

Книга как событие

Мария Степанова. Священная зима 20/21.

М.: Новое издательство, 2021

Maria Stepanova. Winterpoem 20/21.

Russisch und Deutsch / Übersetzt von Olga Radetzkaja

Berlin: Suhrkamp, 2023

Maria Stepanova. Holy Winter 20/21.

Trans. by Sasha Dugdale

New York: New Directions, 2024

Марк Липовецкий, Ирина Паперно

От составителей

DOI: 10.53953/08696365_2025_196_6_7

Mark Lipovetsky, Irina Paperno

From the Guest Editors

Марк Липовецкий

Колумбийский университет (Нью-Йорк),
профессор; доктор филологических наук
ml4360@columbia.edu.

Mark Lipovetsky

Dr. habil.; Professor, Columbia University, New York
ml4360@columbia.edu.

Ирина Паперно

Университет Калифорнии, Беркли,
почетный профессор кафедры славянских
языков и литератур; PhD
ipaperno@berkeley.edu.

Irina Paperno

PhD; Professor Emerita, Department of Slavic Lan-
guages and Literatures, University of California,
Berkeley ipaperno@berkeley.edu.

В ноябре 2024 года в Колумбийском университете в Нью-Йорке собрался сим-
позиум, посвященный поэтической книге Марии Степановой «Священная

зима 20/21». За столом сидели автор, редактор (первого иностранного издания книги), переводчики на немецкий и английский язык и литературоведы.

Книга Степановой была написана во время пандемической зимы 2020–2021 года и опубликована в русском оригинале в июне 2021 года в «Новом издательстве» в Москве. В апреле 2023 года она вышла в немецком переводе Ольги Радецкой под названием «Winterroem 20/21» в издательстве «Suhrkamp», в марте 2024 года в английском переводе Саши Дагдейл в издательстве «Bloodaxe Books» в Лондоне, а затем, в июне, в канадском «Book*hug», и, наконец, в октябре в издательстве «New Directions» в Нью-Йорке. Канадское и американское издания включали послесловие автора, написанное более чем через год после первоначальной публикации книги. Вскоре появились и другие переводы (итальянский, шведский, греческий; готовятся и другие).

Эпидемия закончилась, но, как не раз писали критики, книга не потеряла остроты и актуальности. Напротив, она обрела новые смыслы и новую актуальность. Первые иностранные переводы воспринимались уже в новом историческом контексте.

Идеей нашего симпозиума было обсудить процесс создания, перевода и интерпретации книги, считая перевод первым актом интерпретации. Именно поэтому мы собрали за одним столом — в присутствии автора — редактора, переводчиков и литературоведов, что делается не часто (к сожалению, не удалось включить редактора российского издания).

Мы думали о «симпозиуме» в платоновском смысле — как о живом разговоре о книге среди людей, непосредственно причастных к ее созданию и метаморфозам. Речь шла и о самой книге, и о читательском опыте.

Нам кажется, что ситуация этой книги была и остается особой. Книга писалась в ситуации еще не бывалого катастрофического опыта. Мария Степанова, которую начало пандемии застало в Англии, вернувшись в Россию, оказалась в карантине на заваленной снегом подмосковной даче, и (как она сама это описала) чтение бывших с ней книг, в первую очередь понтийских стихов Овидия, вывело ее из состояния оцепенения и ступора.

Для первых профессиональных читателей чтение оказалось острым переживанием, которое имело непосредственное отношение к тому, что и они пережили во время пандемии, каждый в своем пространстве и часто с теми же книгами.

Перечитывая книгу через год, два, три и более после ее создания, участники симпозиума, как и другие читатели, прочли ее и как относящуюся к опыту, вышедшему за пределы первоначальной ситуации. «Священная зима 20/21» говорила нам о катастрофе, которая охватила людей в разных частях мира и не отпускала их и после конца пандемии. Катастрофа обратилась в экзистенциальную ситуацию, осмыслить которую нам, профессионалам от литературы, помогало чтение. Об этом речь шла на симпозиуме в Нью-Йорке осенью 2024 года, и об этом речь идет в переработанных для читателей «Нового литературного обозрения» эссе и статьях.

В этих статьях речь идет и о публикации и рецепции книги в ином культурном пространстве (**Катарина Рааб**, редактор издательства «Suhrkamp»), и о конкретных проблемах воссоздания текста на другом языке и в другом культурном контексте (**Ольга Радецкая**, переводчик на немецкий язык, и **Саша Дагдейл**, переводчик на английский), и о чтении и переводе как интимном, дружеском акте (**Саша Дагдейл**). Литературоведы пишут о том, как

поэма читалась вскоре после ее выхода, в ситуации продолжавшейся пандемии — о процессе чтения (**Ирина Паперно**), о структурной логике книги — напряжении между замыканием в себе и открыванием вовне (**Любовь Гольбурт**), о сквозном сюжете утрат и потерь, объединяющем разные истории (**Ирина Шевеленко**), об «апокалипсисе без апокалипсиса» (**Марк Липовецкий**), о дискурсе любви в поэме (**Эндрю Кан и Стефани Сандлер**) и о многом другом. Все авторы пишут об использовании Степановой чужих голосов, о цитатности (или интертекстуальности) и о тех новых функциях, которые эти хорошо известные принципы приобретают в книге Степановой. (Заметим, что некоторые авторы считают «Священную зиму 20/21» книгой стихов, а некоторые — поэмой.) За пределами нашего разговора осталось множество других тем, некоторые из которых уже были затронуты в критических отзывах о книге, появившихся в России и за ее пределами.

В книге Степановой звучит множество голосов, не сводимых к традиционному лирическому «я». Как автокомментарий к поэтике и политике «Священной зимы» мы включили в этот блок ее эссе «Сознание своей неправоты»¹. Отталкиваясь от слов Манделштама о том, что «поэзия есть сознание своей правоты», Степанова задается вопросом: «Чем кончается мечта о том, чтобы твоя внутренняя правота совпала с правдой множества, надежда прилепиться к тем, кто прав, и раствориться в их слитном движении?» Трагический опыт Манделштама или Маяковского, о котором тоже говорит Степанова (а в подтексте — и многие другие известные поэты), оказывается особенно актуален сегодня, когда «прошлый век, вместо того чтобы стать прошлым, только придвинулся поближе и понемногу втягивает в себя современность». В качестве сопротивления повторяющейся истории Степанова выдвигает гипотезу о «сознании собственной неправоты» как необходимом основании современной поэзии. Именно это сознание — ощущение своей неправоты — открывает дорогу голосам других, столкновения которых и с которыми могут произвести «разрыв поверхности, внезапное явление нежданного смысла там, где ему не положено возникать — то, что испокон веков является событием поэзии, ее делом». «Священная зима 20/21» с ее открытым многоголосием и с беззащитным сознанием собственной неправоты не просто является примером «движения в сторону Другого», но и отчетливо придает ему важный для настоящего момента смысл. Разноголосица и сознание собственной неправоты — это жест, противостоящий агрессивной тенденции к единомыслию.

Разноголосицу представляет собой и симпозиум об этой книге. Объединяет нас стремление говорить о литературе как об опыте, открываемом вовне, включающем других людей, разворачиваемом во времени и актуальном сегодня. Мы надеемся, что читатели продолжат этот разговор.

1 Напечатанное в этом номере эссе основано на речи, которую Мария Степанова произнесла в Оксфордском университете 22 мая 2025 года (Ilchester Lecture), «On Being Wrong: A Place for Poetry in Times of Darkness».